

Вначале был Чехов...

Летом 1895 года в издательстве «Русская мысль» вышла книга путевых очерков «Остров Сахалин» Антона Павловича Чехова, ставшая своеобразной энциклопедией жизни дореволюционного Сахалина. Первая публикация главы о беглых увидела свет в 1891 году в сборнике «По мощь голодающим». В 1893—1894 годах книга издавалась в неполном объеме, и уже в 1895 году вышло отдельное издание «Острова Сахалина».

После ее выхода в свет у некоторых известных людей появилось желание вновь посетить остров. Но вначале был Чехов... Потому что именно Чехов своим, столетней давности путешествием, своей книгой, рассказами, письмами, ввел Сахалин в русскую литературу, более того — свел вместе прежде далекие и несопоставимые вещи: остров на Дальнем Востоке, жизнь и судьбу островитянина, логично увязал с исторической, общественной и духовной драмой России.

О том, как готовился к этому трудному пути Антон Павлович, можно судить по списку книг, про-

читанных им. Только с января и до апреля 1890 года он тщательно изучал специальную литературу, труды по истории зарубежной и отечественной тюрьмы и ссылки, историю освоения Сахалина, ознакомился с работами исследователей Сахалина.

Появление в печати книги Чехова «Остров Сахалин» было воспринято периодическими читателями как большое общественное и политическое событие. Многие газеты Москвы и Петербурга помещали заметки и о путешествии Чехова, и о выходе его книги. По общей оценке «Остров Сахалин» очень интересен, имеет большое общественное значение, создавая правдивое представление о далекой окраине России, о которой еще до сих пор не было точных и объективных сведений.

Вся книга Чехова — от начала до конца — глубоко полемична, направлена против официальной лжи о «процветании» Сахалина. Когда писатель цитирует слова генерал-губернатора Корфа: «Я убедился, что на Сахалине несчастным живется легче, чем когда-либо в Рос-

сии или даже в Европе», то несомненно, что все дальнейшее изложение в книге Чехов ведет так, чтобы опровергнуть этот генеральский взгляд.

Что же происходило на самом деле на Сахалине? Выяснению этого вопроса и посвящена книга Чехова.

Внимательно исследуя тяжелую, изнурительную жизнь ссыльных на Сахалине, Чехов приходит к очень правильному и рабоблающему правительственному выводу, о том, что организация каторги на Сахалине бессмысленна и экономически не выгодна.

Для подтверждения такого вывода писатель анализирует состояние экономики жителей острова. Он проанализировал все, что вдумчивый, подготовленный ученый на Сахалине, он каждый раз приходит к правильному политическому выводу: в условиях каторги, в условиях изуродованных тюремных отношений подневольный труд ссыльных всегда является непроизводительным, а дикий произвол, казнокрадство, деспотизм тюремной администрации только усиливает тяжесть труда ссыльного и его ненависть к Сахалину.

Со страниц книги великого русского писателя

встают потрясающие картины жутких условий жизни людей — пусть преступников, но все же людей, с которыми на Сахалине обращались хуже, чем с животными. Чехов не пытается, разумеется, идеализировать ссыльных, но он не мог не заметить, что вместе с «закоренелыми», неисправимыми злодеями и извергами живут под одной крышей случайные преступники, «не счастливые», «невинно осужденные».

Как бы то ни было, писатель в своих беседах как видел людей, а не преступников. Поэтому его обычно не интересовало преступление тем более сенсационное.

Чехов — великий гуманист — не мог поверить тому, что вся масса ссыльных — неисправимые звери. Наоборот, он видел, что у различных надзирателей и зрителей было зачастую больше звериного, чем у самых неисправимых каторжников.

Однако, Чехов не хотел, чтобы после прочтения его книги у читателей сложилось впечатление, что Сахалин «никому не нужен и не для кого не интересен». Писатель высоко оценивал экономические возможности острова и призывал быть благодарным тем замеча-

тельным русским исследователям, которые, совершая, «изумительные подвиги», исследовали Сахалин.

Только бездарное царское правительство могло посчитать Сахалин бесполезным и, не зная, как использовать природные условия острова, устроило на нем каторгу. Чехов видел богатства Сахалина и верил, что будущее острова может быть «за видной» и «счастливой».

Появление в печати правильной книги о каторге было чрезвычайно приятно для деятелей тюремной администрации. Влас Дорошевич (журналист, посетивший остров через два года после выхода из печати «Острова Сахалина») рассказывал, что сахалинские чиновники впоследствии горько раскаявались в том, что Чехову было позволено побывать в свое время на острове: «Тут, батюшка, Чехова пустили, — так

потом казались! Пошли из Петербурга вопросы... Как у вас? Что? Почему? От чего такие порядки? Потом себя кляли, кляли, что показали!» «Остров Сахалин» произвел на читателей такое сильное впечатление, его общественный резонанс был столь велик, что были предприняты даже некоторые реформы: отменено телесное наказание для женщин, ликвидирована вечная ссылка, пожизненность каторги и т. д. Современники считали, что эта мера заслуга принадлежала писателю.

Действительно, значение книги Чехова трудно переоценить. Почти все, писавшие после него о Сахалине, отмечали, что в новинком интересе, возбужденном островом изгнания, нужно считать А. П. Чехова.

Н. ЕВСТРОПОВА,
зав. сектором информационной и библиографической деятельности
Смирновской ЦБС.

Новая жизнь. — 1995. — 9 сент.